

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН,
ГАЛИНА ЧЕРНАЯ

ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ

Книги Андрея Белянина,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Трилогия

«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Дилогия

«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»
«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»
«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»
«ВКУС ВАМПИРА»
«ОХОТА НА ГУСАРА»
«КАЗАК В РАЮ»
«ААРГХ»
«КАЗАК В АДУ»
«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«ААРГХ НА ТРОНЕ»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»
«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)
«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»
«ГАСИ АМЕРИКУ!»

С Карен Махони (перевод и редакция)
«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

Сериал

«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»
«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»

Цикл

«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»
Стихи

«ЛАНА»

В соавторстве с Галиной Черной
«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»
«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»
«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»
«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»

С Пламеном Митревым (перевод и редакция)
«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

Андрей Белянин и его друзья

«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»
«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»
«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»
«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН,
ГАЛИНА ЧЕРНАЯ
ЛАЙНЕР
ВАМПИРОВ

РОМАН

Москва, 2011
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

Глава 1

МАНЬЯК СВЯТОЙ ВОДЫ

Поезд высадил меня на дьяволом забытой станции городка со странным названием Мокрые Псы, округ Дог'ре, что в переводе с гелльского означает «Собачья кровь». Я поставил свой чемодан на платформу и оглядел пустынный перрон. Небольшое одноэтажное здание станции соблюдалось в порядке — хорошо ухоженные кусты плюща в декоративной паутине с крупными металлическими пауками оплетали его по бокам до самой крыши. Серое небо, один, традиционно ржавый, фонарь, полусорванное ветром расписание поездов и общая атмосфера какой-то особенной, домашней унылости. Всё как в детстве...

— Значит, это и есть моё новое место работы? Ну-с, посмотрим, посмотрим,— бодро пробурчал я себе под нос.

Клубящийся по платформе туман начал собираться, густеть, приобретая форму, и ещё через несколько мгновений передо мной стоял станционный смотритель. Пожилой вампир дружелюбно улыбнулся, обнажая полустёршиеся клыки и привычно подхватывая мой чемодан.

— Как доехали, месье? Надеюсь, поездка была не слишком утомительной? — вежливо поинтересовался он.

Я устало покачал головой, улыбаясь в ответ:

— Нормально, если не считать одного незначите-

льного инцидента. Со мной в купе ехала молодая пара, представители новой религии, пытавшиеся перетянуть меня в свою веру. Может ли культурный чёрт верить в дьявола, если есть сатана, причём внятно объяснить разницу между тем и другим они не смогли. Пришлось показать им моё служебное удостоверение и тоже задать парочку вопросов...

— Лицензии на право читать проповедь у них, разумеется, не оказалось? — хитро сощурился смотритель, поддерживая разговор.

— Вот именно.

— Приятной службы, пан Браздинский, — поклонился он, открывая передо мной ржавую калитку в свежевыкрашенной в цвет крови ограде. — Надеюсь, что вам у нас понравится.

Я кивнул, выходя с вокзала на городскую дорогу. Он уже знает, кто я, как меня зовут, из каких я краёв и чем буду здесь заниматься. Провинция... Здесь не так много событий, чтобы пропустить приезд нового сержанта полиции, да ещё из самого Парижска.

— Патрульное отделение прямо здесь, пан, через дорогу. — Он показал рукой на невысокое двухэтажное здание. — Но там уже закрыто, и вам, полагаю, нужно сначала в гостиницу «Рога под нимбом». Идите прямо по главной аллее, через две улицы сверните направо, выйдете на старую площадь, и гостиница будет прямо перед вами. Свободные номера у них всегда есть.

Вежливо поблагодарив старого вампира и взяв чемодан, я перешёл вымощенную могильным камнем дорогу, оглядел участок, где мне предстояло провести следующие несколько месяцев своей жизни. Надеюсь, долго это не протянется, я добьюсь возвращения в столицу, а временную ссылку в эту дыру буду вспоминать как вынужденный период отдыха. Согласитесь, даже лучшим специалистам бюро сыска ког-

да-то нужно отдыхать, а я и был одним из лучших. Может быть, чересчур старательным, за что и... В общем, не хочу об этом вспоминать.

Участок, или полицейское отделение, построенный из закопчённого могильного камня, выглядел слишком мирным и даже сонным, чтобы здесь можно было рассчитывать на активный труд и интересные дела. Но я чувствовал себя не в лучшей форме, чтобы заходить знакомиться с новыми сослуживцами сию же минуту. Да и сейчас там, наверное, один ночной дежурный, рабочее время в полиции таких маленьких городков-деревень обычно с девяти утра до пяти вечера. И вот тут-то я впервые заметил слежку...

Шагах в двадцати следом за мной мягко кралась тёмная фигура, закутанная в длинный плащ с подчёркнутой талией. Я сделал вид, что засмотрелся на пробуждающиеся звёзды, и вдруг, резко обернувшись, шагнул навстречу преследователю. Перепуганная фигура махнула хвостом и исчезла в густеющих сумерках. Судя по кисточке на кончике хвоста, это был чёрт или чертовка. Ну что ж, утром разберёмся, вряд ли в этом городишке меня ждут более сложные «расследования»...

Следуя подсказке зрителя, я пересёк неширокую аллею из давно отмерших вязов, примерно на метр от земли заботливо вычерненных мазутом — дешёвая и всегда действенная защита от могильных жуков. Отдельные прилипшие к чёрному особи потом надолго служат естественным украшением дерева. Говорят, в некоторых городах на побережье вопреки старым традициям на кронах оставляют листья. Лично я всегда стоял за старый метод раннего обрыва почек, всё-таки в зелени листьев есть что-то болезненное, нет?

Тем более когда в осень они станут ещё красными и жёлтыми. Как у тамошних жителей (если только это

правда), не рябит в глазах от такого калейдоскопа? А ведь сколько поэзии и законченности в голой серой ветке мёртвого ясеня с сидящим на ней древним вороном, изрыгающим страшное проклятие, от которого кровь стынет в жилах. Видимо, я большой романтик...

Наконец аллея закончилась, и я вышел на площадь, посреди которой возвышалась мрачная статуя какого-то дьявольского великомученика. Пересекая площадь, я взглянул на табличку на постаменте, это оказался Люциус Роллинг, сожжённый антирелигиозно настроенными крестьянами-упырями в году четырёхста десятом от рождества антихристового.

...Небольшое двухэтажное здание гостиницы с вывеской «Рога под нимбом» было построено в стиле позднего хард-рококо и производило довольно благоприятное впечатление своими трагично ломанными линиями. На первом этаже размещалась круглосуточная пивная. Слева находилась пекарня, справа — салон гробов-кроватей. Ещё дальше, над зданием тюрьмы, возвышался шпиль городской ратуши. Гостиница оказалась вполне приличной...

— Один номер на одну ночь с правом продления для одного постояльца? — деловито уточнил небритый клерк-фавн. — Да, пан Ирджо Браздинский, о вас предупреждали. Вот ключ. Но прежде прошу подписать здесь и здесь, что с правилами проживания вы ознакомлены.

Я молча подписал жёлтый бланк о том, что обязуюсь не приводить толстых женщин после часа ночи, не разжигать костры на подоконнике, не выть на луну с двенадцати ночи до четырёх утра, не оставлять дверцу холодильника открытой, не кормить нищих вампиров орешками из мини-бара и не стрелять в цыган из лука, рогатки, арбалета (исключение состав-

ляет лишь табельное огнестрельное оружие). Вполне разумные требования, всё как у всех...

Мне дали номер с видом на чёрные воды местной реки. Делать было абсолютно нечего. Постояв под душем и почистив зубы, я лёг спать, но, провалявшись в постели без сна полчаса, включил телевизор. Два региональных канала показывали унылые женские сериалы, а ещё один — детские мультки про зайца и волка. Тупо попялившись в экран минут двадцать, я сдался, оделся и пошёл бродить по спящему ночному городу.

Врождённая привычка столичного сыщика ни на секунду не терять бдительности не давала расслабиться и здесь, где по статистике за два прошлых года не было совершено ни одного преступления. Кроме, кажется, всё той же оплошности заезжего туриста, покормившего вампиров орешками из мини-бара. Вроде ему даже вклепали за это штраф и взяли подписку впредь никогда не посещать Мокрые Псы (дьявол, что за название?!), чему он был только счастлив...

Наверное, я просто не умею отдыхать. Зря, конечно, ибо искусство расслабляться очень важно в работе полицейского. Я всё время чувствовал себя на службе, с тех пор как три года назад, сразу после окончания академии полиции, заступил на должность сержанта в округе Парижск. Так сложилось, что за это время я ни разу не брал отпуск и проводил вне отделения не больше одного выходного дня в неделю. Иначе было просто невозможно. В столице преступления совершаются каждые пятнадцать минут. Не то что здесь.

Хотя-а... возможно, это поспешные выводы. Я увидел, что за магазином траурных венков, которые у нас дарят по любому поводу, к одному тощему домовому пристают трое ражих детин его вида. Они при-

жали его к стене, и тот что-то бормотал испуганным, оправдывающимся голосом.

— Сержант Браздинский, — представился я, быстрым шагом подскочив к ним и показывая удостоверение. — Что здесь происходит?

«Жертва» расплылась в улыбке, а «грабители», наоборот, обернулись несколько недоуменно, но только в первое мгновение. Через секунду и они заулыбались, но так двусмысленно и мерзко, как будто увидели старого приятеля, который был свидетелем и соучастником их детских преступлений.

— Себджанд? Дак бы себджанд Бдадзинский? Мы бас так бждали! — радостно вскричал один доброхот из «грабителей». Давно не слышал этот носовой прононс, встречающийся только у синегорских домашних.

Я слегка опешил. И это, кажется, отразилось на моём лице, несмотря на многолетнюю выучку скрывать эмоции.

— Хма-хма-хма! Себджант, да бы, кжется, бешили, что мы дуд чем-то кривинальным занибаемся...

— Именно, поэтому руки вперёд!

Я автоматически потянулся к карману за наручниками. О ряса ангела, я ведь их не взял! Кто мог подумать, что обычная ночная прогулка обернётся необходимостью задержания преступников? В смысле в таком-то сонном месте?!

— Эй, если хотите их арестовать, дьявола ради! Но почему это нужно делать на середине поздравления?! — искренне возмутился тощий. Судя по речи, не синегорец.

— Но разве эти трое не напали на вас?

— Так у меня же день рождения, — подтвердил он с таким видом, словно это всё сразу делало ясным.

Я окончательно запутался.

— И?..

— Они меня чувствовали, — вздохнув, начала пояснять «жертва», значимо и чётко разделяя слова, как самому тупому троллю. — У нас такой обычай, у домовых. Мы бедные, и у нас ничего нет. Поэтому друзья на день рождения, видя, что мы не собираемся накрывать для них стол и угощать, бьют нас и пинают. Конечно, понарошку, если не увлекутся. А после уже дарят, что могут. А вы нам весь ритуал испортили.

— Но... где тогда подарки? — спросил я, уже понимая, что домовой скорее всего не врёт. Слишком убедительным было его возмущение. Но для порядка надо было довести допрос до конца. К тому же неприятно так ошибиться после трёх лет службы...

— Бот они. На эти дебри и этой выпивкой он должен нас угостить. Даков священный обычай догбебских добобых.

— Но вы-то не догревские!

— Не-э, бы-то с гор, себебные, бтобой год дуд на заботках, батушу бебонтибуем.

— О, друзья мои, вы настоящие друзья... — умильно разглядывая какую-то коробку с бренчащей мелочью и прижимая её к сердцу, бормотал домовой.

Мне стало стыдно. В академии полиции нас заставляли учить разные обычаи народов всех округов, но, не встречаясь с домовыми за всё время службы, видимо, я что-то подзабыл. Однако проверить всё-таки стоило.

— Позвольте посмотреть.

— Конечно, сержант.

Ну на первый взгляд там ничего подозрительного. Мешочек с монетами, вроде не лепрехунскими, старая зажигалка, пара бутылок дешёвого русалочьего вина. Что-то подсказывало мне, что его не мешало бы изъять и провести экспертизу. Возможно, это у меня уже издержки профессии искать во всём следы преступления (здесь тебе не столица, Ирджи, здесь пре-

ступлений вообще не бывает!), поэтому, поколебавшись, я решил не портить домовым праздник.

— Приношу свои извинения, господа. Позвольте поздравить вас от лица полиции. Надеюсь, что вы будете вести себя прилично, без лишнего шума и вовремя разойдётесь по домам.

— Да буж сбасибо, не дубади не гадаби угодить себодня в катабажку...

— Ещё раз извините, — пришлось повторить мне. — И весело вам отпраздновать.

Я козырнул, прикоснувшись когтями к рогам, развернулся через левое плечо и отошёл, избавив домовых, у которых и так уже заметно поубавилось праздничного настроения, от своего дальнейшего присутствия. Уходил быстрым шагом, надеясь найти где-нибудь за углом паб или кофейню. Хотелось чуток успокоить нервы...

Но не более чем через пять минут я заметил, что за мной снова следят. Уже не в первый раз за этот день — подозрительно, правда? Может быть, и не стоило игнорировать такой жгучий интерес к моей скромной персоне. Однако, как только я развернулся, следящий тут же испуганно метнулся в тень. Догонять его мне не хотелось. По крайней мере, сейчас. У меня было чувство, что это не последняя наша встреча и у меня ещё будет время со всем разобраться.

Миновав главную площадь, я свернул в очередной переулок между салоном гробов-кроватей и местной избой-читальней, в окне которой экспонировались книги, вышедшие из-под пера артели одомашненных драконов-литераторов. Мне самому ничего этого читать не доводилось, но многие хвалят.

Я вдохнул полной грудью тёплый воздух летней ночи и увидел на старенькой тумбе для объявлений большой плакат с сообщением о городском празднике. Судя по дате, он проводится сегодня на местном

кладбище, как обычно по традиции до сих пор и устраиваются главные праздники в таких маленьких городках. Программа тоже весьма стандартная: «В 13 ч. конкурс юных чертей «Задери соседке юбку!» (в трёх этапах), а также барбекю из неодомашенных драконов, грязные танцы, вручение приза за лучший кактус года и награждение победителей за счёт спонсоров колбасной фабрики «Крысси-энд-хуть».

От разглядывания нарисованных на афише девушек в народных платьях с короткими пышными юбками меня отвлекла компания юных горгулий-неформалок, которые курили, болтали и хихикали самым неприличным образом. Одна из них незаметно сунула в лапу другой нечто очень похожее на пакетик ладбастрового порошка, привозного наркотика, самого популярного сейчас среди «позолоченной молодёжи».

Стоит он весьма недёшево, что диктуется очень сложным способом добычи самой ценной его составляющей — ладана. Этим занимаются исключительно горгулии, поскольку в этом деле необходимы крылья и умение летать. Обычно шесть горгулий подкарауливают на нижних небесах дежурного ангела с ладаном и ценой потери двух-трёх, а иногда и больше собратьев отбирают порошок. Добытый ладан потом смешивают с алебастром (отсюда и название) в определённой пропорции и видят с ним райские кущи. К нормальной жизни летающие монстры, хотя бы один раз нюхнувшие эту ангельскую дрянь, уже не возвращаются.

Я решительно направился к этой весёлой компании. Не надеясь на неокрепшие крылья, они попытались просто убежать. Сняв с пояса дубинку, я согнул её бумерангом и, не целясь, запустил вслед удирающим подросткам. Бумеранг попал под колено послед-

нему, тот упал напереди бегущего, и вместе они свалили остальных. А пока они поднимались, я уже выштался над ними, грозный как само правосудие.

Обыск привёл к ожидаемому результату. Из карманов юношей были извлечены на свет два пакетика ладбастра. Никаких разумных объяснений они дать, естественно, не могли. Я за шиворот повёл в участок всех четверых.

Нажал на кнопку звонка, роль сигнализации выполнял раздирающий душу стон непохмелившегося Уфира, демона врачей и стоматологов. Подождал минуту и, убедившись, что открывать никто не спешит, постучал два раза. Старая, скрипучая дверь распахнулась без промедления. Не заперто? Надеюсь, хотя бы внутри кто-то есть...

В пустом коридоре пахло табаком и ванилью. В участке просиживал штаны только дежурный чёрт с исключительно постным выражением лица и торчащими из-под верхней губы кривоватыми клыками (что говорило о явной примеси вампирской крови). Он даже не встал из-за стола, когда мы вошли, а лишь поднял на нас мутный, с капелькой удивления в глубине чёрных глаз взгляд и вялым, безжизненным голосом предложил:

— Томатного сока с перцем... сержант?

Я посмотрел на стоящий перед ним полупустой стакан и покачал головой:

— Спасибо, лучше оформите-ка эту компанию.

— А что они натворили? Такие юные и безобразные?.. — с явным смаком отпивая сок, но по-прежнему не двигаясь с места, спросил этот странный тип.

— Нюхали ладбастр, — жёстко сказал я.

— Ой как хорошо-о-о... То есть нехорошо! Так ведь нельзя. Дети, вы ведь себя сгубить можете. Красоты Эдема захотели увидеть? Это совсем неподходящий путь для воспитанных горгулий. Но зачем же так

прямо сразу и оформлять? Думаю, им надо дать шанс. А, сержант?

Я сдвинул брови, придерживаясь инога, продиктованного опытом взгляда. Если их сейчас отпустить, лишь мягко пожузив, до них просто не дойдёт. Я видел это по их спокойным, нарочито отстранённым выражениям лиц. В глазах у этих нахалов было чётко написано: «Лучше помолчать и не спорить, изобразить раскаяние и надуть этих наивных полицейских старичков». А уже со следующей дозы любой из них может не вернуться. Ладан убийственное вещество для каждого в этом мире, будь ты горгулия, чёрт, лепрекон или фавн: если чуть изменить пропорции смеси, перебрав ладана только на один миллиграмм, последует окончание очередной коротенькой и не очень умно прожитой жизни. Простите за сумбур выражений, но я уже насмотрелся смертей от наркотиков...

— Оформляйте протокол, капрал Фурфур Флевретти,— прочёл я его имя на беджике на форменной рубашке.

— Но, месье, всё же вы здесь новое лицо, а я...

— Это мой приказ. Как старшего по званию.

Горгулии возмущённо загомонили. Тяжело вздохнув и вылив в рот остатки практически серого от количества перца томатного сока, капрал крикнул от удовольствия, потянулся за амбарной книгой на краю столешницы и, обмакнув перо в чернила каракатицы, объявил:

— Тэк-с, тогда приступим. Ну, ребятки-горгулятки, ведите себя потише, а то я собьюсь и перепутаю ваши адреса, а может, и пап и мам. Кому это понравится? Правильно, никому. Поэтому цыц!

Я понаблюдал немного за попытками дежурного справиться с пером, которое никак его не слушалось, достал из нагрудного кармана свою авторучку и про-

тянул ему. Смущённый Флевретти благодарно кивнул.

— Хотите, я их оформлю? Мне это привычнее, да и не помешает поближе узнать специфику вашей работы с местным населением. Это поможет мне скорей втянуться в коллектив...

— Конечно, сержант... э-э-э?..

— Браздинский.

Горгулии противенько захихикали. Моя славянская фамилия всегда вызывает такую реакцию. Я уже привык. А капрал с явным облегчением и даже радостью уступил мне своё кресло. Я писал по его подсказке, он знал всех подростков по именам, их адреса, имена родителей, истории семей до пятого колена. За это время он раз пять потянулся и раз шесть зевнул, чуть наклонив голову набок и умильно глядя на горгулий, словно это были небесные птахи, а не злобно ухмыляющиеся исподтишка адские твари. Про большинство наших подростков иначе и не скажешь. Мир катится в тартарары, уровень преступности нереально высок, и мы единственные, кто хоть как-то сдерживает этот нарастающий вал...

За писаниной я не сразу обратил внимание на пронзительный скрип входной двери, потом в коридоре раздались тяжёлые шаги, и в комнату вошёл пожилой, невысокий, но нереально толстый чёрт в комиссарских погонах на круглых покатых плечах. Форма наверняка сшита по индивидуальному заказу, пузо свисает, сам поперёк себя шире, но вид суровый. Он оценивающе зыркнул на меня из-под сведённых кустистых бровей. Где-то в глубине глаз блеснули весёлые искорки.

Я решил подыграть и встал по стойке «смирно».

— Сержант Ирджи Браздинский, прибыл для несения службы, месье!

Горгулии опять прыснули. Капрал Флевретти, не

сдержавшись, тоже дёрнул губами в усмешке, но тут же напустил на себя скорбный вид, пронзая юных подследственных осуждающим взглядом.

— Вольно, вольно, сержант, — добродушно заулыбался комиссар. — Моё имя Жерар Базиликус, и я рад вас видеть. Давно прибыли?

— Несколько часов назад, месье!

— Тогда добро пожаловать в наш мирный, уютный городок, уверен, что вам здесь понравится, хотя поначалу всё может показаться менее ярким и шумным, чем в столице. Зато у нас отличное местное пиво, — он причмокнул губами, мечтательно закатив глаза, — и гречневая каша с нарезкой из копчёных бычьих хвостов... ммм... такую готовят только здесь. Почему были вынуждены оставить прежнее место службы?

— Интриги сослуживцев, месье.

— Понимаю, это достойный повод. Только боюсь, вы найдёте у нас не так много возможностей для применения ваших исключительных талантов детектива, о которых мы все наслышаны. Не смогли уснуть на новом месте? А что эти юные шалопаи здесь делают? — Он как будто только что заметил горгулий и изобразил на лице крайнюю степень удивления, хотя мне казалось, что они своей болтовнёй наполнили всё пространство помещения. — Не может быть, Фрэнки, Лора, Тинто... Куда смотрят ваши родители, а? Надеюсь, одного вашего привода в полицию им будет достаточно для того, чтобы уделять вам больше внимания. Ладно, я забыл тут на столе свои очки для чтения. Не могу уснуть, не прочтя перед сном главку-другую сентиментального сериала о собакоголовых зомби-лесбиянках «Вы-браковка, я-браковка, ты-браковка». А, вот и очки! Ну-с, покойной ночи...

— Покойной ночи, месье, — дружно откликнулись мы с капралом.

— И вот ещё, сержант. — Комиссар задержался и, глядя мне в глаза, многозначительно добавил: — У нас не было ни одного нарушения за последние пять месяцев после кражи малолетками в соседнем округе двух товарных вагонов с дистиллированным холестерином.

— Громкое дело было, месье, — подавшись вперёд, поддакнул капрал.

— Они пытались продать его оптом в табачной лавке... но это был исключительный случай. У нас была такая хорошая отчётность, друг мой... до вашего приезда. Но об этом мы ещё поговорим. А сейчас идите ложитесь спать, мой дорогой. Сегодня вам предстоит важное и исключительно ответственное дело, никому другому я поручить его не могу. Поэтому вам надо хорошенько отдохнуть, побыстрее дооформляйте тут всё и в постель. А вы марш по домам, бездельники! Думаю, папы и мамы уже заждались своих непутёвых чад...

Горгулий отпустили, разумеется, я пообещал на прощанье, что мне всё-таки придётся вызвать для разговора их родителей, что поумерило радость подростков. Обычное родительское наказание для таких активных ребятешек — визит к парикмахеру и ритуальное подрезание крыльев. А это похуже, чем лишить Интернета. Пока крылья не отрастут снова, малолетки будут привязаны к земле, а летать смогут только через три-четыре недели. С другой стороны, не в тюрьму же их сажать...

Я вернулся в гостиницу, поднялся в свой номер и остаток ночи мирно проспал. Утром встал бодрым, удовлетворённым вчерашними успехами, сделал зарядку и спустился на завтрак. Кажется, начинаю понемногу привыкать к новой обстановке. Думаю, мы быстро поладим с этим милым городишком, тут всё не так уж плохо, зря боялся.

Увы... Завтрак начался с дурной яичницы, жирных тостов и свежей местной газеты, описывающей мои вчерашние приключения. Или, вернее сказать, зоключения? Статья имела броский заголовок «Зверское избиение домовых! Надругательство над святыми устоями! Полиция оскверняет традиции!». У меня глаза полезли на лоб. Дальше шёл не менее шокирующий текст: «Новоприбывший к нам детектив Ирджи Браздинский уже успел показать себя, и далеко не с лучшей стороны... «Он набросился на нас как бешеный... Доколе будем терпеть?» — спрашивает один из пострадавших. «Доколе?!» — спрашивает и наша газета... Комиссар полиции от беседы с журналистами воздержался, но, судя по его молчанию, он также недоволен действиями своего нового...» Я тупо откинулся на спинку стула и залпом выпил вторую порцию растворимой бурды, незаслуженно носившей в меню название кофе.

Статья про горгулий занимала весь следующий лист. Но если первая пестрела моими фотографиями, скачанными с моей же страницы в «Однокашниках», то вся история с горгулиями была показана в развесёлых комиксах! Развесёлых для читателя, разумеется, мне-то они доставили мало радости. Карикатурный я стрелял сначала из пистолета, потом из пулемёта, а потом из пушки по невинным детям горгулий, летающим в белых платьицах под облаками, а позже уводил их, сбитых и окровавленных, куда-то во тьму. Каково, а?!! «Начальник полиции оставляет эти факты без комментариев». Внизу мелким шрифтом был указан автор статьи — Эльвира Фурье. Отличная фамилия! Идеально подходит для той грязи и лжи, которую она на меня вылила. Я опрометью бросился на работу. Мне казалось, что каждый встречный на улице смотрит на меня со смехом и негодованием...

— Всё-таки у нас маленький городок, а вы умудрились за один вечер стать здесь главной новостью и героем прессы! — спокойно сказал мой начальник, когда я дошёл до участка. Тот же номер утренней газеты лежал у него на столе, раскрытый на нужной странице, он сразу понял, что я уже ознакомился со статьёй. Видимо, мне не удалось скрыть эмоции на лице.— Ладно, не огорчайся, я тут заказал завтрак в китайской лавочке. Знаю, как кормят в этой гостинице, за один кофе их судить мало.

И, убрав газету в стол, он выставил передо мной пять разных картонных коробочек, испещрённых иероглифами. Содержимое некоторых мне показалось прямо-таки подозрительным. Я оставил себе зелёный чай, рис, а переперченную свинину поспешил отодвинуть в сторону.

— Спасибо, но нет, это вредно.

— Давайте сюда,— кивнул комиссар.— Всё, что вредно, мне полезно.

Я обратил внимание, что у него нечищенные ботинки, а мундир блестит на рукавах, видно, что проводит много времени за столом. Типичный пример провинциального служаки, озабоченного лишь тем, как бы дожить до пенсии и ни с кем не испортить отношения...

— Какое ответственное задание вы мне хотели поручить, месье? — спросил я, зная, что сейчас только работа сможет отвлечь от неприятных мыслей, связанных с началом службы в этом гостеприимном месте.

— Судить конкурс чертенят на городском празднике! — Он важно поднял вверх указательный палец.— Это большая честь. Раньше её доверяли только мне! Собирайтесь, нам пора на кладбище.

С трудом взяв себя в руки, я сказал:

— Признаться, я никогда не видел подобного конкурса.

— Естественно. Ведь у вас в Парижске все юные чертовки ходят в брюках.

— А в чём его суть?

— Идёмте, объясню по дороге. Капрал Фурфур, остаётся за старшего в отделении!

— Как всегда, шеф, — буднично раздалось из подсобки.

Мы с комиссаром вышли на улицу. То и дело отвечая на приветствия прохожих, мой начальник неспешно расписывал мне предстоящее празднество. Или, по совести говоря, маленький местный междуособойчик...

— Всё очень просто, сержант. Сейчас усядемся на трибуне, поближе к судейскому месту. Потом под музыку пройдут пять самых красивых молоденьких чертовок от семнадцати до двадцати, каждая держит в руке традиционную палку. А наша отчаянная малышня будет пытаться задрать у них подол. Самого ловкого чертёнка, который больше всех задерёт юбок и меньше всех словит по башке палкой, ждёт награда от городского совета!

— Э-э-э, вам не кажется, месье, что это несколько... безнравственно, что ли...

— Да ну? — вскинув седые брови, удивился комиссар. — Зато интересно! Ещё мой прадед познакомился так с моей прабабушкой, и они прожили вместе долгие годы...

Я уныло кивнул. В конце концов, не мне рассуждать о морали простонародных традиций. Надеюсь, ничего сложного в выборе наиболее наглого и ловкого чертёнка не будет. Но на деле всё оказалось гораздо труднее. Поверьте, по затратам психической энергии легче поймать десять бандитов-гвантелупцев, которые вечно тащат в нашу страну всякую дрянь вроде

кошерного вина, чем судить конкурс чертенят по задиранию юбок. Попробую начать сначала...

Как и гласило прочитанное мною ранее объявление, конкурс проходил на кладбище. Видимо, он имел чётко выраженную возрастную направленность, так как в основном туда спешили старики и подростки. Два десятка малышей, стоя за символическим ленточным ограждением, ждали своего выхода, разминаясь, садясь на шпагат и примеряя на головы мотоциклетные шлемы. Пятёрка чрезвычайно милых юных чертовок в ярких свободных юбках и спортивных футболках, хихикая и перешёптываясь, тусовалась в сторонке. Мы с шефом, мэром и ещё двумя приближёнными лицами были усажены за специальный столик жюри, все прочие зрители, галдя, толпились по обе стороны неширокой ковровой дорожки. Подразумевалось, что пять претенденток должны неспешно пройти по ней двадцать метров и не позволить ни одному чертёнку задрать себе юбку.

Толпа судачила о прошлых временах, каждый пожилой чёрт кричал, что в своё время именно он и был ежегодным чемпионом деревни по задиранию юбок. А все бабушки-чертовки говорили примерно то же самое... только наоборот.

— Это твоя внучка?

— Да, и с моей палкой. Сколько я ею костей поналомала и рогов поотшибала, у-у-у... Она уже почти лакированная стала.

— А вон те двое мои парни! Второй год по три юбки задирают! Моя школа, все в дедушку...

— Твоя школа? Нет, вы слышали, а?! Да чтоб ты знал, они тренируются у моего сына, а тебя вечно уносили с разбитой башкой и оттоптаннами почками! Вот брехло-то...

— Не брехло он! Фантазёр просто... кажется ему всё... Да и кому бы не казалось, если ещё в детстве

столько раз по маковке дубиной огрести. А в прошлом году мой внук победил! Я ему ещё свои старые награды примерить давал...

— Какие награды, старый вун? Да я те, помнится, ещё сорок лет тому назад три ребра палкой прогладила и коленную чашечку разmozжила! Эх, где мои семнадцать лет...

За короткое время у меня сложилось стойкое убеждение, что все представители мужской части населения были повальными чемпионами по задиранию юбок, а вся женская половина ни разу не позволила задрать себе юбку, успешно отбиваясь палкой от увечных конкурсантов. Кто же тогда и каким образом мог быть чемпионом, непонятно...

Подумав, я тихо спросил у мэра:

— Вы, вероятно, тоже были чемпионом по задиранию юбок?

— Да! — обрадовался он. — Как вы узнали? Я ведь стараюсь об этом не говорить, положение ко многому обязывает, такое легкомысленное прошлое... Но это было чудеснейшее время! Ни одна из них не могла до меня дотянуться палкой, я ловко ускользал от всех, а задранные мною юбки так и мелькали, так и мелькали... Но смотрите, первая партия!

Выход пяти девушек и чертенят не произвёл на меня ровно никакого впечатления, хотя публика редела от восторга и азарта. Юбки были задраны всем! Но четверых не самых ловких чертенят унесли с дорожки в полном отрубеве. Я чувствовал себя неуютно, словно находился на узаконенном традициями акте членовредительства. А малыш, умудрившийся задрать аж четыре юбки, приплясывая, спешил к нашему столику...

— Ты герой, — откашлявшись, произнёс я. — Когда вырастешь, приходи к нам в полицию, нам нужны такие отчаянные парни. То есть если вырастешь...

Шеф удовлетворённо кивнул, довольный моей речью, а мэр наградил победителя тяжелой серьгой в ухо в виде перевернутой звезды Давида. Она была больше головы чертёнка и провисала почти до самой земли, так что он пошёл, прижав голову к плечу, согнувшись набок, но терпя эти неудобства, донельзя гордый собой.

— Таких давали всего четыре, и у меня одна из них, — шепнул мне комиссар со сдержанным достоинством.

Кто бы сомневался в правдивости этого признания.

Меж тем девушки готовились ко второму кругу...

— А сейчас будет конкурс для чертенят постарше. Всех участников обливают водой, чтобы усложнить задачу, — просветил меня мэр. — Все скользят, падают, так куда трудней задрать юбку и вернуться от палки. Начинаем!

И сразу пять-шесть вёдер с водой взметнулись вверх, зрители взвыли от восторга в предвкушении зрелища. Возможно, поэтому на вопли одной полной девушки-участницы не сразу обратили внимание. И только когда она начала кататься по земле, когда резко смолкла музыка, я вскочил с места. Пока шеф пытался меня остановить, пока пользующиеся случаем чертенята шесть раз подняли ей юбку, пока мне удалось растолкать смеющуюся толпу, бросившись ей на помощь, пока мэр смог навести хоть какое-то подобие порядка, прошло, наверное, минут десять... За это время несчастная потеряла сознание.

— Святая вода, — прорычал я, подхватывая её на руки. Я не мог ошибиться, ожоги были слишком характерными, мне приходилось сталкиваться с подобным на занятиях по криминальной медицине.

Кто мог пронести святую воду на детский конкурс?! За годы службы я, конечно, видел и более

страшные вещи, но столкнуться с такой бесчестностью здесь, в Мокрых Псах, где по отчётам ничего подобного не случилось, по крайней мере, лет сто... С этим надо будет срочно разобраться, но сейчас надо думать о другом...

— Полиция! Полиция! — закричал кто-то прямо над ухом.

— Спокойно, я полиция, сержант Браздинский. Позовите лучше врача!

Народ продолжал галдеть, праздник был смят, взрослые спешно уводили детей. Я огляделся в поисках шефа, но его рядом не было. Передав бедняжку подоспевшей «скорой помощи», я принял командование на себя, по горячим следам выискивая подозреваемых. И зацепил сразу двоих!

Первым был слепой ветеран последних ангельских войн, кстати, крылатый десант святого Михаила как раз использовал бомбы со святой водой против нашей пехоты. Ветеран что-то поднял с травы и с подозрительно прямой спиной зашепшил с поля. Пришлось догнать и попросить показать, что у него там. Он возмущался и тряс медалями, но потом признался, что подобрал чей-то упавший сотовый телефон. А когда я начал проверять документы, то при детальном рассмотрении его удостоверение инвалида оказалось фальшивым. Это был не ветеран, а вор и шулер. Пришлось задержать. Я передал его подоспевшему капралу Флевретти, который его не знал («Не из местных, месье!»), и попросил отвести в участок для дальнейшего разбирательства, а сам продолжил поиск.

— Что случилось? — За моей спиной неожиданно возник запыхавшийся шеф.

— Где вы были?

— Да прямо здесь. А что произошло?

Я обрисовал ситуацию. Он взволнованно кивнул.

— Вы что-нибудь видели? Что-нибудь подозрительное? Как это могло случиться? Есть зацепки?

— Пока нет,— вынужденно признал я.— Но мы ищем.

Комиссар снова кивнул:

— Продолжайте.

У него был растерянный и даже слегка напуганный вид. Не думаю, что и я сейчас выглядел лучше.

Вторым подозреваемым был высокий лысый чёрт в форме почтальона, вернее, не совсем подозреваемым, мне показалось необычным только одно — перчатки на руках. Они были тонкие и облегающие, но посреди лета! Это не могло не вызвать вопроса: «Зачем?» Кроме того, я припомнил, что он одним из первых кинулся на помощь девушке и до сих пор находился рядом с ней, кричал и суетился, в общем, всячески мешался под ногами полиции и санитаров. Но намеренно он это делал или из глупости и желания помочь?

Я хотел подойти к нему и задать пару вопросов, но шеф как будто прочитал мои мысли.

— Вы смотрите на руки нашего почтальона месье Сабнака? Ха-ха. Выбросьте из головы. Он у нас со странностями, в любое время года ходит в перчатках, я, собственно, и не припомню, видел ли я его когда-нибудь без них. А ведь он у нас уже два года на почтовой службе.

Девушке тем временем оказали медицинскую помощь. К счастью, ожоги были не такими сильными, какими казались вначале. И тем не менее её всё же пришлось госпитализировать. Врачи обещали сделать всё возможное и невозможное. Видя, что «скорая» отъезжает, я задержал их, попросив дать мне одну минуту.

— Только минуту. Состояние очень тяжёлое.

— Вы что-нибудь видели? — спросил я пострадавшую, осторожно взяв её за руку.

Она открыла глаза. Взгляд у неё был как у больной коровы, и такой страдальческий, что сердце сжималось. За все три года полицейской службы я так и не привык к чужой боли. Иногда это очень мешает работе, особенно в ситуациях, подобных этой, когда нужно максимально сохранять отрешённую чёткость мышления. Ужасно злюсь на себя за это. Видимо, настоящим профессионалом мне не стать, не хватает хладнокровия.

Она шмыгнула круглым пяточком, личико перекопилось (но от физических страданий или от душевных?), и покачала головой.

— Я... ничего не помню... я... всё так неожиданно и больно... мама...

— Всё будет хорошо.

Я ободряюще сжал её руку и кивнул санитарам. Они задвинули носилки в машину.

Отходя назад, я с кем-то столкнулся спиной. Ну кто тут лезет под руку?! Я оглянулся, собираясь сделать строгий выговор, и увидел милостивую чертовку лет двадцати трёх, в невероятном мини, с глубоким декольте и с профессиональным фотоаппаратом в руках. Что-то в том, как она отпрянула, показалось мне очень знакомым...

— Вы лезете под санитарную машину, мешаете врачам.

— Я здесь тоже не в куклы играю, — буркнула она в сторону, вжимая голову в плечи и всем видом показывая, что ей крайне некогда.

Ах вот это кто! Ну-у на этот раз я её так не отпущу.

— Это вы за мной следили ночью? Фотографировали и опубликовали эту злобную вымышленную статью? Вы знаете, что вам полагается по закону о клевете? А что сейчас здесь делаете? Ходите за мной по пя-

там и вновь собираете материал для своих газетных инсинуаций...

— Вот ещё! Сколько вопросов, и все о вас. Я должна написать заметку о празднике. А теперь ещё и об этом... кошмаре!

— Понятно. Только, кажется, в суматохе вы забыли надеть юбку, — фыркнул я. А сам невольно отметил, какие у неё глаза, огромные зелёные озёра, в них целый мир, они так и вытягивают душу.

— Я надела юбку!

— Простите? Задумался...

— Я говорю, что надела юбку!

— Простите ещё раз, я подумал, это просто широкий ремень. Теперь понятно, почему он с бахромой, а то казалось, что просто поистрепался.

— Да, слегка, потому что его носила ещё моя бабушка, — съязвила она. — Тогда и вы простите меня, но я должна делать свою работу. Как и вы свою!

И, перекинув сумочку поудобнее, она решительно зашагала прочь.

— Ваша работа — писать клеветнические статьи на полицию? — повысив голос, поинтересовался я ей вслед.

Она обернулась, её лицо горело возмущением, а глаза-озёра превратились в бушующие океаны.

— Поиск истины. Так же как и у вас.

Я фыркнул. Ну конечно, полиция и журналисты — близнецы-братья...

Мы с капралом оцепили жёлтыми ленточками место преступления. Исследовали его дюйм за дюймом. Но ничего, за что можно было бы сразу зацепиться, не увидели. Вечером я заехал в больницу навесить пострадавшую. Её звали Селия Кадабрус, из северных чертей, крупная девочка.

— Вам точно никто не желал зла? — спросил я, раскрывая блокнот.

— Нет, кажется, никто, — еле слышно пролепетала она. — То есть... я не помню.

— Постарайтесь вспомнить, — мягко попросил я.

— Бабушка мне часто желает, когда я отказываюсь мыть её кошек. Потом ещё сосед как-то пожелал, когда мой Орф его укусил.

— Орф — это кто?

— Моя двухголовая собака.

Я покивал, записал эту скудную информацию и, поблагодарив и пожелав девушке скорейшего выздоровления, попрощался с ней и вышел в коридор.

Там я опять чуть нос к носу не столкнулся с этой эмансипированной журналисткой.

— Мадемуазель, если вы продолжите вмешиваться в нашу работу, я вынужден буду арестовать вас за помехи в деятельности полиции.

— Но все честные черти должны знать правду!

— Преступность от этого не уменьшится, а поимке преступника ваше вмешательство может помешать. Он же тоже читает газеты.

— Вы на самом деле такой грубый солдафон или только притворяетесь? Если дадите интервью, я от вас отстану. — Не дожидаясь моего согласия, она с улыбкой сунула мне под нос микрофон. — Итак, только для наших читателей, сержант Ирджи Браздинский собственной персоной. Вы уже что-нибудь обнаружили?

— Это конфиденциальная информация, и я не уполномочен её разглашать.

— Тогда пара личных вопросов. Вы здесь впервые. И всем интересно узнать о вас побольше. Например, что вы предпочитаете на завтрак, есть ли у вас хобби, что читаете, чем занимаетесь по вечерам?

— Сплю, — сквозь зубы процедил я.

— Спите? Так много? Не верю. — Этот её взгляд... он меня с ума сведёт.

— Здесь в любом случае не место для интервью.

— Отлично, где бы вам было удобно побеседовать с прессой? Надеюсь, не в сауне?

Меня спас врач, молодой вервольф в белом халате, с радостной улыбкой во всё лицо, но такими хорошими зубами и я бы гордился.

— Сержант! Как хорошо, что вы зашли! К нам сегодня поступили с отравлением различной степени тяжести четверо домашних. Мы знаем, что должны сообщать вам о таких случаях. Главврач сделал им промывание желудка, жить будут, но пока все четверо не в лучшей форме. Пройдёте?

Укрытые маленькими одеялками, домашние метались по кровати, стонали и охали.

— Я вижу свет... — дрожащим голосом бормотал вчерашний именинник и вдруг, устремив на меня взгляд загоревшихся глазок-бусинок и протягивая ручки, закричал: — Мапочка! Моя мамочка пришла! Мапочка, я хорошо себя вёл, можно мне на карусели?

— Бредит, ещё одно последствие отравления святой водой, — весело констатировал врач. — Кстати, видимо, эта штука была растворена в обычном русалочьем вине.

— Пожалуйста, мамочка, я хочу в подпол!

Наверное, у меня округлились глаза, и я еле успел отодвинуться, ручки домашнего схватили воздух вместо моей шеи.

— «Подпол» — это парк развлечений для домашних, в соседнем городке, хорошая находка с названием, кстати. Где ещё домашние могут чувствовать себя так же комфортно, как под полом, где их никто не видит и они могут творить всё что хотят? Эх, завидую я порой их врождённому иммунитету к клаустрофобии.

— Где вы взяли это вино? — спросил я, подсев к одному из «гостей» именинника.

— Кубил у обного збакобого, — быстро проговорил домовой, натянув одеяло по самые глаза.

— Какого? — пытался достучаться до его сознания я.

— Де побью ибя... — испуганно добавил он и закрылся с головой.

— Святая вода вызывает у домовых кроме отравления организма, бреда ещё и... ха-ха... частичную потерю памяти, — прокомментировал врач.

— Кто он? Где и кем работает, тоже не помните? Это важно, — упорствовал я, но он молчал, и мне не удалось стянуть одеяло с головы упрямца.

— У бего сибяя обижба... как у бас, — задумчиво ответил его сосед.

В моём мозгу будто что-то щёлкнуло. «Знакомый» и «одежда как у вас». Наверняка в городе такую одежду носили только трое, включая меня. Неужели отравитель из наших рядов?..

— Ох-ох, бяжко-то как... — застонал домовой.

— Смешные они всё-таки, да? — тепло рассмеялся доктор, обнажая белоснежные клыки.

Я попытался расспросить другого. Но тот только бормотал что-то вроде:

— Бе помдю, бе помдю, ничего бе помдю...

Третий «гость» спал здоровым сном, вывалив синий язык на подушку и пуская пузыри. Будить его было неудобно, я же не зверь. Пришлось задавать дежурные вопросы медицинскому персоналу.

...В участок я вернулся уже затемно. Дверь всё так же громко закрипела, открываясь. Комиссар Жерар сидел за столом в своём кабинете.

— Завтра в десять у вас лекция в детском саду, выспитесь хорошенько и можете идти прямо туда. Мисс Гадсон будет вас ждать.

— Но, месье, а как же расследование?

— Какое? Ах да, вы про инцидент на празднике. Досадная случайность, только и всего.

Я рассказал ему про домовых, как можно беспечнее добавив:

— Им продал вино некто знакомый, по их словам, в такой же одежде, как и у меня.

При этом я внимательно следил за реакцией шефа. Но если его и взволновали мои слова, то он ничем этого не выдал. Жаль, что здесь не было капрала Флевретти. Я бы хотел видеть и его лицо при этом сообщении. У меня было чувство, что больше такой возможности мне не представится. Тем более что сам начальник выразил нервный скептицизм:

— Да у них галлюцинации! Мало ли чего они могли наглотаться?! Вы поверили словам пьяниц, отравившихся некачественным спиртным?!

— Галлюцинации у домовых как раз и вызываются святой водой. Так говорит врач.

— Покойной ночи, сержант. Что бы это ни было, рабочий день уже закончился, завтра разберёмся.

Я спросил его о «ветеране».

— Мы ничего не нашли на него и отпустили. С подпиской о невыезде, конечно. Ещё раз покойной ночи!

Всю ночь я думал о том, что произошло. Либо мой шеф не хотел раскрытия преступления, либо у него были свои методы. Второе предпочтительнее. Ибо в противном случае мне придётся воевать против своих же, чертей в форме. Уснул поздно, так и не приняв никакого решения...

Утром перед встречей с детьми я надел новую форму. Синий мундир, серебряные пуговицы, жёлтые лампасы. «У него синяя одежда... как у вас». В этом городке такую же носили двое — комиссар Базиликус и капрал Фурфур Флевретти. Допустим, капрал

имел алиби, находясь в участке, а шеф? Куда он исчез, когда всё это началось? Неужели...

Вообще-то мне приходилось выступать с лекциями перед студентами. Поэтому встречи с бесенятами в детском саду я, естественно, не боялся. Да и что, собственно, такого у меня могут спросить маленькие дети? Для них уже сам факт появления настоящего полицейского будет сплошным праздником. Если бы я только знал, какой «праздник» меня ожидает...

А ожидала меня классическая детсадовская воспитательница! Упитанная чертовка в большом заляпанном фартуке, неопределённого цвета платье и очках с толстыми стёклами, которые у неё почему-то постоянно падали, стоило ей только наклонить голову. А без них она ничего не видела. Плюс тона на два не совпадающий с цветом волос шиньон, стоптанные домашние шлёпанцы и выбивающиеся из всего этого ужаса эротические колготки из секс-шопа в крупную чёрную сетку, имитирующую колючую проволоку. Когда она гостеприимно распахнула дверь, я с трудом подавил вопль ужаса.

— Э-э-э, мисс Гадсон?

— Оня сямая! Зяходите-зяходите, ми вась дявнё ждём!

Меня повели длинными коридорами, вежливо расписывая всё на ходу с непередаваемым детским сюсюканьем. По-моему, она не меньше своих воспитанников нуждалась в хорошем логопед.

— Тють у нясь спяльня! — сообщила она, открыв дверь в полутёмную комнату с деревянными нарами, набитыми в два этажа. — Тють иглявая.

Мы вошли в довольно большую комнату со вздыбившимся неструганым паркетом, деревянными игрушками, прибитыми к потолку, с тяжёлыми металлическими шарами, осколками кирпичей и битыми бутылками.

В общем, ничего нового. Всё как у меня в детстве.

Потом меня провели в столовую — длинные столы, узкие некрашенные скамьи, металлические миски, алюминиевые кружки, полное отсутствие ложек, вилок и ножей. Правильно, пусть приучаются всё есть руками. Запах плесени, конечно, чувствовался, но умеренно. Всё-таки в детскую пищу добавляют меньше специй, за этим строго следит пищевой контроль.

Пятью минутами позже за те же столы плечистые надзиратели рассадили детей. Домовята, горгулята, чертенята, бесенята, сатирията. Мне сразу не понравилось выражение их мордашек, они смотрели на меня так, словно сегодня я был их завтраком. Сумрачные мелкие шкеты, отчаянные и не пробиваемые ничем, полностью лишённые любой морали и готовые ради конфеты на любое убийство, даже с отягчающими. «Да уж, детишки, — подумал я, — такие, если нападут ночью сзади, все двадцать два, завалят и освежут, даже пикнуть не успеешь. Наше будущее...»

— Долягие детишечки, сегодня к ням плишёл наш нёвый полицейский. Помощник дяди Желяля, сельжантик Ирджик! Онъ лясскажет вам о слюжбе в полиции. Это осень познавательно, мои птенчики. Вдьюг и кого-то из васъ ждётся тякая же чёйна судьба...

— Э-э-э... здравствуйте, дети, — начал я.

— Здравсте! — нестройным хором откликнулись все.

Причём трое или четверо показали мне в качестве приветствия оттопыренный средний палец. А один демонстративно провёл ребром ладошки по горлу.

— Я сержант Браздинский, можете меня звать пан Ирджи.

— Таких имён не бывает.

— Об этом не тебе судить. Бывает, но не в ваших краях, здесь редки черти-славяне. Итак, мы в поли-

ции патрулируем улицы, следим за порядком в городе, задерживаем преступников.

— А что вы с ними потом делаете?

— Да. Папа говорит, продаёте на органы.

— Нет, — закашлялся я. — Это незаконно.

— Расстреливаете или сдаёте оптом на мяскоколбасный комбинат?

— Нет-нет, мы не...

— А почему нам тогда дают такие невкусные сосиски?!

Вот так они всё время прерывали меня вопросами и репликами, вначале я ещё пытался как-то отвечать, но в конце концов пришлось повысить голос:

— Все вопросы в конце моего доклада! Сейчас говорю я, а вы будьте хорошими детишками и слушайте не перебивая. Договорились?

— Да-а-а-а!

Их хватило ровно на две минуты.

— А у вас есть с собой пистолет?

— ...профилактика правонарушений как неотъемлемая часть нашей работы и...

— А он заряжен?

— ...поэтому арест как таковой является уже крайней мерой, свидетельствующей о недостатке...

— А можно выстрелить?

— ...если вы с детства запомните ряд несложных правил в отношении вас и полицейского лица...

— А сколько преступников вы застрелили?

— Десять! — сорвался я, потому что эти мелкие мерзавцы меня абсолютно не слушали.

— Вы стреляли им прямо в голову?

— Это не имеет никакого отношения к нашему сегодняшнему разговору. Давайте я лучше коротенько расскажу вам об уголовном кодексе...

— А папа говорит, что в полиции служат только воры и взяточники.